

АЗБУКА НАЦИОНАЛИЗМА*

(часть II)

5. Национализм и Realpolitik

Период 1852–1878 гг. характеризуется решительным шагом вперед в достижении национальных целей народов Центральной Европы, однако эти цели осуществлялись уже не народными революциями и пропагандой моралистов, а политикой правительств с помощью войн и дипломатии. Идеология национализма все более опиралась на экономику. Капитализм, индустриализация, усиление средних классов изменили социальную структуру и ритм жизни всей Центральной Европы. Новые средства сообщения уничтожили прежнюю неподвижность и патриархальные порядки. Немец Фридрих Лист (1789–1846 гг.), эмигрировавший в Соединенные Штаты, вернулся в Германию в качестве американского консула. Он был глубоко впечатлен идеями американского национализма и американским экономическим прогрессом. Лист отвергал господствовавшую в XVIII в. космополитическую теорию политической экономии, на которой в то время основывалось движение за свободную торговлю, популярное в Великобритании. Лист проповедовал теорию „национальной системы хозяйства“. В Таможенном союзе, инициатором которого в 1828 г. выступила Пруссия и к которому к 1834 г. присоединилось большинство германских государств, Лист видел воплощение идеи национального единства и наилучший путь к его достижению. Он не дождался осуществления этого проекта, покончив самоубийством из-за отсутствия поддержки соотечественников. Программа индустриализации и железнодорожного строительства в крупных масштабах была осуществ-

* Из книги (Hans Kohn) *Nationalism: Its Meaning and History*, 1955.

влена во Франции через десять лет после смерти Листа Наполеоном III, который в 1856 г. достиг вершины власти и всеобщего преклонения.

Крымская война. Внешняя политика Второй империи во Франции была направлена против системы, созданной Венским конгрессом, которая в восприятии французов была напоминанием не о длительном мире, а о крушении Первой (наполеоновской) империи. Венский конгресс пытался возвести преграды на пути революционного национализма. Наполеон III, в прошлом связанный с итальянским революционным национализмом, стал провозвестником этой доктрины. По причинам различного рода, либеральное общественное мнение Великобритании, настроенное против династического абсолютизма Священного союза, тоже поддерживало национализм и конституционализм народов Центральной Европы. Династический абсолютизм представлялся равно отвратительным и британскому конституционализму и революционному национализму, хотя эти движения имели мало общего между собой. В Крымской войне (1853–1856 гг.) Франция и Великобритания нашли общую платформу для поддержки Турции против России, император которой Николай I (1825–1855 гг.) рассматривался как главный оплот династического абсолютизма во всей Европе. В ходе войны Наполеон III подвинул итальянское Сардинское королевство к вступлению в западную коалицию. Премьер-министр королевства граф Камилло Кавур (1810–1861 гг.) охотно откликнулся на это предложение, хотя прямых интересов в войне для его страны не было. Однако на Парижском конгрессе 1856 г., которым завершилась война, Кавур получил возможность выдвинуть итальянские претензии Австрии и достичь взаимопонимания с Наполеоном III в деле объединения Италии.

Одной из причин Крымской войны была оккупация придумайских княжеств Молдавии и Валахии русскими войсками. В 1857 г. Наполеон поддержал требование сеймов этих турецких провинций об автономии, нейтралитете и введении в них конституции при объединении их под властью какого-либо иностранного наследного монарха. Турецкое правительство отвергло эти требования, но в 1859 г. оба княжества по отдельности выбрали своим правителем Александра Йоана Кузу (1820–1873 гг.),

и в 1861 г. турецкое правительство утвердило эти выборы. В 1866 г. Куза отказался от этих обязательств, и Наполеон вынудил Турцию признать наследственным правителем объединенной Румынии принца Карла из дома Гогенцоллерн-Зигмаринген. Однако полная независимость Румынии была признана лишь на Берлинском конгрессе 1878 г., уже после падения Наполеона, а титул короля Кароль I принял тремя годами позже.

Объединение Италии. Важнейшие события в деле объединения Италии тоже пришлось на 1859 г. Наполеон III действовал как крестный отец и этой „латинской” нации, хотя на последних этапах объединения дело вышло из-под его контроля. В горячих дискуссиях относительно путей и средств объединения Италии на протяжении 1840-х годов, многие препятствия представлялись непреодолимыми: численность исторически сложившихся суверенитетов и традиций, глубокие различия в социальных структурах Севера и Юга страны, а также существенный для католического государства факт, что папа — глава вселенской католической церкви был и территориальным князем, не желавшим, чтобы земли, находившиеся во владении пап более тысячи лет, были включены в объединенное итальянское государство. Должна ли страна стать федеративным или унитарным государством, монархией или республикой, должна ли она быть основана на сотрудничестве с папой или определиться без него? Карло Каттанео (1801—1869 гг.) — блестящий ученый из Милана, был сторонником республики и федерации. Он отчетливо сознавал, что лишь независимость различных частей Италии может создать почву для плодотворного развития демократии. Мадзини тоже был сторонником республики, но отстаивал унитарный принцип ее построения — его идеалом была централизованная Италия со столицей в Риме. Священник и философ из Пьемонта Винченцо Джоберти (1801—1852 гг.) видел будущее Италии в федерации под духовным водительством пап. Сардинские аристократы Чезаре Бальбо (1789—1853 гг.) и Кавур, основавший в 1847 г. „Рисорджименто” — орган итальянского национального движения, считали лидером этого движения Сардинию.

В 1848 г. все надежды, казалось, рухнули. В этом году сардинский король Карл Альберт (1831—1849 гг.) выступил против австрийцев. После победы при Гойто войска провозгласила его

королем Италии, но вскоре его армия потерпела тяжелые поражения от австрийцев при Кустоцце (1848 г.) и Новаре (1849 г.). После этого восстановленная было в Венеции Республика св. Марка во главе с Даниэле Маниным (1804—1857 гг.) была вынуждена капитулировать. Папа Пий IX, правивший в 1846—1878 гг., сначала, казалось, оправдывал надежды, которые связывали с ним итальянские либералы и Джоберти. Однако события 1848—1849 гг. превратили его в решительного противника либерализма и национализма. 9 февраля 1849 г. националисты провозгласили в папской столице Римскую республику. Среди ее вождей были уроженец Генуи Мадзини и уроженец Ниццы Джузеппе Гарибальди (1807—1882 гг.). Французские войска упразднили республику и папа вернулся в Рим, вновь получив власть над своим светским владением. Во всей Италии был восстановлен „старый режим” и владычество Австрии. Все предлагавшиеся до 1848 г. проекты объединения Италии в 1849 г. потерпели крах.

Под руководством Сардинии. Единственным итальянским государством, где после 1849 г. не произошло возвращения „старого порядка”, была Сардиния. Король Виктор Эммануил II, наследовавший отцу в 1849 г., по совету Кавура и маркиза Массимо д’Азельо (1798—1866 гг.) сохранил конституционный порядок, установленный в 1848 г. Сардиния как единственная конституционная монархия в Италии, завоевала симпатии средних классов всего полуострова. Прогрессивные экономические реформы, проведенные Кавуром по британскому образцу, еще более укрепили доверие к сардинскому руководству. В 1858 г. Кавур заключил тайный союз против Австрии с Наполеоном III. В 1859 г. французские войска помогли Сардинии отвоевать у Австрии Ломбардию. Искусной дипломатией Кавур принудил Наполеона выйти за пределы первоначально поставленных им перед собой целей; в итоге Кавур получил для Сардинского королевства большую часть остальной Италии. В 1869 г. определились пути объединения Италии. Знаменитый поход „тысячи краснорубашечников” под водительством Гарибальди на Сицилию — остров, бывший частью Неаполитанского королевства, угрожал конфликтом между радикальными республиканцами и сардинскими монархистами. Энергичные действия Кавура

решили дело в пользу последних. Большая часть папских земель и Южная Италия были присоединены к Сардинскому королевству. Кавур, будучи либералом и считаясь с Наполеоном III и британским общественным мнением, провел плебисциты во всех итальянских государствах, чтобы продемонстрировать, что объединение Италии является выражением воли народа. По меньшей мере в Южной Италии плебисцит показал, что такое решение далеко не единодушно, но Виктор Эммануил II все-таки принял титул короля Италии (1861—1878 гг.), и конституция Сардинии стала конституцией объединенного королевства. Однако торжество итальянского централизма и суровые методы правления сардинцев не способствовали интеграции Юга в итальянскую нацию и утверждению демократии как ведущей жизненной силы страны.

После смерти Кавура в 1861 г. Венеция еще находилась в руках австрийцев, а Рим и окружающие его территории (Лацио) — под властью папы. В 1866 г. наследники Кавура заключили союз с Пруссией против Австрии, и хотя итальянские войска потерпели жестокое поражение от австрийцев при Кустоце на суше и при Лиссе — на море, победы Пруссии обеспечили Италии Венецию. Наполеон III поддерживал итальянско-пруссский союз; однако итальянские националисты отделились от него вследствие поддержки Наполеоном светской власти папы. Дважды, в 1862 и 1867 гг., Гарибальди пытался захватить Рим, который защищали французские войска. Лишь когда они оставили Рим после франко-прусской войны 1870 г., в него 20 сентября 1870 г. вошли итальянские войска. После плебисцита Рим был присоединен к Италии вопреки решительным протестам папы, который объявил себя „ватиканским узником“. Рим стал столицей Итальянского королевства. Но и после этого еще не все территории с населением, говорящим по-итальянски, вошли во вновь созданное национальное государство: Триест, Истрия и Трентино (Южный Тироль) были частью Австрии, Тичино — кантоном Швейцарии, Ницца и Корсика — владениями Франции. Среди итальянских националистов многие рассматривали эти территории как „невозвращенные земли“ и жаждали добиться их включения в состав Италии, а мечтавшие о восстановлении Римской империи толкали Италию на дорогостоящие бесплодные военные авантюры в Ливии и Эфиопии.

Объединение Германии. Успехи Италии в 1859 г. способствовали и возрождению национализма в Германии, которая тоже с 1848 г. переживала жестокое разочарование. Здесь националисты столкнулись с теми же проблемами, что в Италии: многочисленность исторических суверенитетов и традиций; различия между Севером и Югом, религиозные разногласия — антагонизм протестантов и католиков. Также не было единства и в вопросе о том, будет ли Германия централизованным государством или федерацией, республикой или монархией. Но положение в Германии существенно отличалось от ситуации в Италии, так как здесь не было государства, которое оказывало бы решающее воздействие на ход событий; наоборот, среди германских государств были две европейские державы, взаимная подозрительность и соперничество которых усложняли поиски решения, соответствовавшего чаяниям сторонников объединения. Часть их склонялась к „великогерманскому“ варианту, предполагавшему включение австрийских владений, другие были за „малую Германию“, без Австрии с объединением вокруг Пруссии. В 1860-е годы Пруссия навязала свое решение Германии, подобно тому, как Сардиния сделала это в Италии.

Под руководством Пруссии. Сардиния и Пруссия были пограничными территориями и не играли значительной роли в развитии национальных культур. В качестве центра культуры и искусства Турин — столица Сардинии уступал чуть ли не любому городу Италии. Столица Пруссии Берлин лишь на позднем этапе германской истории обрела место в культуре. Общими странами правили честолюбивые династии, искавшие поддержку в основном у армии и у аристократии. Сардинская армия была слаба и не раз терпела поражения, в то время как прусская армия славилась своим духом. Чтобы завершить объединение Италии, Сардиния и в 1859, и в 1866, и в 1870 гг. должна была полагаться на иностранную помощь; Пруссия же достигла своих целей без помощи извне. Сардиния составляла лишь десятую часть территории Италии, и вскоре центр притяжения нации уже передвинулся из Турина в Рим, Сардиния была поглощена Италией. На Пруссию приходилось около двух пятых территории объединенной Германии, и Берлин все более укреплялся в своем положении центра нации. Пруссия поглотила Германию

и распространила на остальную часть страны свой авторитарный и милитаристский дух.

Еще одно отличие было в том, что Кавур был либералом, он восхищался Западом и Англией, настойчиво искал сотрудничества со средним классом и стремился придать легитимацию своим завоеваниям посредством парламентских резолюций и плебисцита. Объединитель Германии Отто фон Бисмарк (1875—1898 гг.) — выходец из прусских дворян-аграриев. Он презирал западный либерализм и парламентский конституционализм. Он стал прусским премьер-министром в 1862 г. и встал на сторону короля в борьбе с прусской палатой представителей за контроль над армией и за ее увеличение. Вопреки бурному противодействию либералов, Бисмарк поддержал короля и армию против парламента и народа. Либеральная оппозиция утратила влияние после побед Бисмарка в трех последовавших одна за другой коротких войнах. Эти войны выглядели выгодными как для усиления нации, так и для ее благосостояния, так как привели к изгнанию Австрии из Германского Союза, способствовали возвеличению Пруссии и созданию Германской империи под ее руководством. Эта новая империя (рейх) была сотворена на поле битвы и провозглашена (уникальный случай в истории) на земле побежденного противника победившими германскими прищцами, собравшимися в Зеркальном зале знаменитого королевского дворца в Версале, у ворот французской столицы, осажденной германской армией.

Ведущие историки протестантской Германии, прежде всего Генрих фон Трейчке (1834—1896 гг.) помогали мобилизовать национальный энтузиазм в поддержку Пруссии и популяризировать теорию Гегеля о национальном государстве как сверхличностном источнике права и этики, сущность которого есть власть („махт“). Когда началась война 1870 г. Трейчке писал: „Не дело для германцев повторять общие места апостолов мира и жрецов Мамоны и закрывать глаза на ту жестокую истину, что мы живем в век войн“. Победы Бисмарка утвердили большинство немцев в уверенности, что их консервативная монархия обладает преимуществами над западной демократией. Казалось, история подтверждает заявление старейшины германских историков Леопольда фон Ранке (1795—1886 гг.) о предназ-

начении Пруссии и впредь оставаться военной монархией. „Невозможно не подчиниться, — писал Ранке, — тому, что исторически неизбежно“. Таким образом, бисмарковская „реальная политика“ победила не только в дипломатии и в военных сражениях, но и в умах немцев, что было самой решительной из его побед. Единство и мощь Германии были достигнуты за счет отказа от либерального конституционализма и политических свобод.

Бисмарк был прежде всего не германским националистом, а прусским монархом. Он отвергал германский „ирредентизм“ — программу пангерманистов, стремившихся включить в Германскую империю все территории с германоязычным населением, включая части Австрийской и Российской империй, Швейцарии и Нидерландов. Однако Бисмарк аннексировал в 1871 г. Эльзас и Лотарингию против воли населения этих областей, которое, несмотря на национальную принадлежность и язык, политически желало быть связанным с Францией. Это разожгло французский национализм. Немцы обосновывали свои претензии на Эльзас и Лотарингию историческим правом и этнической общностью, пренебрегая принципом самоопределения. „Эти провинции наши по праву меча, — писал Трейчке, — и мы будем управлять ими во имя высшего права, во имя права германской нации воспрепятствовать постоянному отчуждению от Германской империи ее потерянных детей. Мы хотим, даже против их воли, вернуть их самим себе“. Именно против этой теории выступил французский ученый Эрнест Ренан (1823—1890 гг.), который выдвинул в 1882 г. либеральную концепцию нации в знаменитой лекции „Что такое нация?“.

Национализм на Балканах. Вслед за Италией и Германией настал срок для объединения христианских народов Оттоманской империи. Греки не были удовлетворены границами, установленными в 1831 г. Греческие ирредентисты поднимали восстания в Фессалии, в Эпире и на острове Крит. В 1876 г. вспыхнули восстания славянского населения в турецких провинциях Болгарии, Боснии и Герцеговины. Сербия и Черногория пришли на помощь повстанцам Боснии, объявили войну Турции, но потерпели сокрушительное поражение. Сербию от последствий поражения спасло вмешательство России, которая официально

связала себя с делом болгар и в апреле 1877 г. объявила войну Турции. Военная мощь России и международная дипломатия определили судьбу балканских народов, решавшуюся на Берлинском конгрессе 1878 г. Румыния, Сербия и Черногория стали независимыми странами, Болгария — автономным княжеством под суверенитетом Турции; Австрия получила мандат на управление Боснией и Герцеговиной; Македония, из-за которой спорили между собой болгары, греки и сербы, осталась частью Турции.

Расширение контактов Турции с Западом вызвало к жизни турецкое движение за либерально-националистические реформы с целью модернизации средневековой теократическо-деспотической империи. В Турции стала складываться новая культура. Ибрагим Синаси (1826—1871 гг.) стал переводчиком французской поэзии на турецкий язык и пионером независимого журнализма в Турции; Намык Кемаль (1840—1888 гг.) написал заголовательную патриотическую пьесу „Ватан” („Родина”) и стал провозвестником современного национального сознания турок. Поддерживаемый „младотурками” великий визирь Мидхат-паша (1822—1884 гг.) в 1876 г. ввел в Турецкой империи либеральную конституцию, оказывал поддержку системе образования западного образца. Однако турецкий парламент, открывшийся в марте 1877 г., вскоре был распущен и восстановлена абсолютная власть султана. Турецкая империя сохранила свой средневековый характер.

Часть турецких патриотов-либералов бежала за границу и оттуда стали вести агитацию, нередко в сотрудничестве с эмигрантами других народов Османской империи. Турецким либералам пришлось ждать почти тридцать лет, пока осуществились некоторые их идеи — лишь после победы революции 1908 г. в Турции была восстановлена конституция. В конце 1860-х — начале 1870-х годов они начали первое в мире движение за модернизацию азиатского государства в духе европейского национализма. Сходная попытка, но с гораздо большим успехом, была предпринята в то же время на противоположном конце Азии — в Японии, где в годы просвещенного правления „Мэйдзи” (1867—1912 гг.) было создано современное национальное государство. В Японии проведение реформ было значительно более легкой

задачей, нежели в Турции, так как в Японии революция была проведена сверху, и страна была однородной в этническом и религиозном отношении. Япония следовала прусской модели: государство там имело милитаристский и авторитарный характер и провело эффективные административные и экономические реформы, а также реформу образования. В отличие от Японии младотурки, подобно итальянцам до 1860 г. и русским до 1905 г., пытались осуществить национальные преобразования против воли своих правителей. Большинство оппозиционеров были интеллигентами, источниками их вдохновения были Третья республика во Франции и французская литература. Величайшей проблемой младотурок был весьма пестрый национальный состав населения империи и его принадлежность к различным вероисповеданиям. Младотурки, правившие с 1908 по 1918 гг., оказались неспособными соединить два противоречивых стремления: сохранить многонациональную империю и создать современное национальное государство.

Национализм в Соединенных Штатах. Войны за объединение Италии и Германии совпали по времени с борьбой за национальное единство в Северной Америке. Национальное единство, достигнутое в 1789 г., не было прочным. Штаты Новой Англии были недовольны войной с Великобританией (1812 г.). На Хартфордской конвенции (1814 г.) особо подчеркивались суверенность штатов и различия в их интересах. В течение двух следующих десятилетий просматривались две основных тенденции развития. Первую из них — расширение Америки на Запад — американские националисты считали исполнением заветов Декларации независимости, что укрепляло сознание общего славного будущего. Однако одновременно усиливался антагонизм между Севером и Югом: Север превыше всего ставил национальное единство. Юг подчеркивал важность самоопределения и прав штатов. К тому же на Юге считали, что экономически более сильные Северные штаты эксплуатируют Юг. Эти противоречия проявились на официальном обеде в день Джефферсона в 1830 г. Тогдашний президент США Эндрю Джексон провозгласил тост за „наш Союз, который мы должны сохранить”. Вице-президент Джон С. Калхун (1782—1850 гг.) ответил на этот тост: „Союз не самое дорогое, что мы имеем. Дороже всего — наша свобода.

Следует помнить, что сохранить союз можно, лишь поровну деля его выгоды и бремя”.

Тридцатью годами позже этот конфликт стал „невыносимым”. Южные штаты, сознавая себя общностью, основанной на цивилизации и социальной структуре, отличной от Севера, заявили о своем праве на самоопределение, которое осуществили тринадцать колоний в 1775 г. Север усмотрел в этом „мятеж” и попытался навязать единство силой; между штатами началась война. Это была наиболее продолжительная и дорогостоящая война в столетие между 1815 и 1914 гг. После четырех лет ожесточенных боев перевес Севера в численности населения и хозяйственной мощи решил дело. Несмотря на высокий патриотический дух и более высокие военные качества южан, они потерпели поражение: причиной этого поражения были не только материальные преимущества Севера, но и отсталость национальной идеи Юга. В том либеральном климате, который сложился в Соединенных Штатах в XVIII в., невозможно было основать государство, опирающееся на феодальную идею иерархической власти.

После победы Севера демократический и федеральный характер США был сохранен, и вскоре южные штаты получили полное конституционное представительство. Однако „реконструкция”, проходившая под руководством северных радикалов, обостряла чувство враждебности на Юге, что создало серьезные проблемы для американской демократии. И все же американская национальная идея, основанная на свободе личности и терпимости, в длительной перспективе оказалась способной к преодолению антагонизмов и к интеграции миллионов иммигрантов самого различного этнического происхождения и религиозной принадлежности в единое национальное целое. Принцип личной свободы и терпимости придал Америке исключительную привлекательность для добровольной ассимиляции и формирования духовной гомогенности как раз в то время, когда страны европейского континента (за исключением Швейцарии) пошли по противоположному пути. В Европе народы различного этнического происхождения и религиозной принадлежности в середине XIX в. вступили в эпоху острых национальных конфликтов, что привело к нескончаемому состоянию напряженности и к войнам,

к приостановке, а то и разрушению развития отношений в духе свободы и терпимости.

6. Национальные конфликты и „пан”-движения

Австро-Венгрия. Победа Пруссии над Австрией в 1866 г. устранила Габсбургов из Германии и Италии, где они властвовали в течение многих веков. Однако Габсбургская монархия вновь сблизилась с Германией после того, как в 1879 г. Бисмарк заключил союз с Австрией. Этот союз, направленный против Франции, в 1882 г. расширился за счет вступления в него Италии; так была создана центральноевропейская „ось” Берлин—Вена—Рим, посредством которой Бисмарк надеялся поддержать германскую гегемонию на европейском континенте. При этом он избегал противостояния с Россией; прусско-российская дружба была важным достоянием традиционной политики. Но Габсбурги, изгнанные из Германии и Италии, обратили внимание на Балканы, где Австрия вступила в конфликт с имперскими амбициями России. Приобретение Австрией Боснии и Герцеговины усилило напряженность в отношениях между двумя державами.

Поражение в войне 1866 г. вызвало и внутреннюю реорганизацию австрийской монархии. Венгрия под руководством Ференца Деака (1803—1876 гг.) и барона Йозефа Этвеша (1817—1871 гг.) в 1867 г. добилась паритета, оставшись связанной с Австрией лишь через монарха, а также общей военной и внешней политикой. Однако внутри Венгрии мадьяры, не составлявшие большинства населения, властвовали над славянскими и румынскими подданными. Правительство Калмана Тиса (1830—1902 гг., премьер-министр в 1875—1890 гг.) лишило национальные меньшинства даже права пользоваться их языками в школах и в администрации, первоначально предоставленного им при более терпимом режиме Деака. Крайняя политика мадьяризации проводилась даже в Хорватии, которая в силу исторических причин получила в 1868 г. автономию в рамках Венгрии — со своим парламентом и правом пользоваться хорватским языком. Чтобы усилить позиции хорватов, епископ Иосип Юрай Штросмайер (1815—1905 гг.) основал в столице Хорватии

Загребе Югославскую академию и поощрял сотрудничество хорватов с сербами в противовес мадьярам.

Иной была ситуация в Австрии. Здесь равенство национальностей и языков было конституционно признано с самого начала и последовательно проводилось в жизнь. Длительный период, когда во главе правительства стоял граф Эдуард фон Тааффе (1833—1895 гг., премьер-министр в 1879—1893 гг.), был особенно благоприятным для немецкого населения Австрии. Однако националистическая радикализация австрийских немцев под руководством Георга фон Шенерера (1842—1921 гг.) и чехов под водительством младочехов, пришедших к руководству в 1891 г., тормозила процесс демократизации в Австрии несмотря на введение всеобщего избирательного права в 1907 г.

Российская империя. Положение народов Российской империи было значительно хуже, чем в Австро-Венгрии. Польское восстание в 1863 г. было жестоко подавлено, после чего возрождалась политика крайней русификации не только поляков, но и украинцев и всех других народов, даже балтийских немцев и финнов, которые до того находились в привилегированном положении, поскольку признавались их исторически сложившиеся права. Средние классы Польши, лидером которых был Роман Дмовский (1867—1939 гг.), пытались достигнуть компромисса с Россией и надеялись объединить прусскую часть Польши с русской, что могло бы сделать поляков автономными и равноправными партнерами и в рамках Российской империи. В то же время Юзеф Пилсудский организовывал польских рабочих на революционную борьбу за независимость Польши от России. Процветала польская литература, ее роль в пробуждении польского национального сознания была весьма велика. Польский ученый Александр Брюкнер, обсуждая события XIX в. в своей „Истории польской литературы” (1901 г.), пришел к следующему выводу: „Национальное сознание не ограничивалось более кругами шляхты и некоторыми обособленными представителями средних классов, как это было в 1801 г., оно проникло в крестьянство, даже в среду евреев... Несмотря на отсутствие политической независимости, именно благодаря литературе польская нация может с гордостью сказать о себе: „А все-таки она вертится!”

В то время как в России и Пруссии поляков подвергали жестокому угнетению, в Австрии они пользовались полной свободой. В первых двух странах польское образование было запрещено, австрийское же правительство поддерживало польские университеты во Львове и в Кракове. Этот исторический город был также местопребыванием прославленной Польской академии наук. Точно так же украинская культурная и литературная жизнь, полностью подавленная Россией, нашла прибежище среди австрийских украинцев, которые в 1873 г. основали во Львове Общество имени Шевченко для поощрения национальной литературы. Здесь же Михайло Грушевский (1866—1934 гг.) начал публикацию своей „Истории Украины” в 1898 г. Русский гнет, усилившийся после 1881 г., своей цели не достиг. Во второй половине XIX в. началось национальное пробуждение многих народов Российской империи, особенно финнов, эстонцев, латышей и литовцев. Местные крестьянские наречия развились в национальные литературные языки, сравнявшиеся со шведским языком (в Финляндии) и немецким языком в балтийских провинциях. В 1831 г. Элиас Ленрот (1802—1884 гг.) основал Финское литературное общество, издал „Калевалу” — национальный эпос финнов, и боролся за уравнение в правах финского языка со шведским в Финляндии. Финскоговорящее население оказалось более живучим, чем шведскоговорящее: сегодня подавляющее большинство населения Финляндии говорит по-фински, но шведский язык, на котором говорит лишь небольшая часть городских жителей, сохраняет полное равноправие в демократической Финляндии.

Национализм в Западной Европе. Завершилась успехом борьба за языковое равенство жителей демократической Бельгии, говорящих на фламандском языке, против господства французского языка. В пробуждении национального сознания фламандцев развитие современной литературы играло такую же роль, как и у каталонцев, живущих на северо-востоке Испании, где в 1833 г. Бонавентура Карлас Арибау (1798—1862 гг.) опубликовал свою „Оду к Родине”. Националистические движения в Каталонии и в Стране басков боролись за федеральное переустройство Испании. Эту тенденцию поддержал Франсиско Пий Маргалл в своей работе „Национальности” (1877 г.). Отчасти

эти надежды осуществились в недолговечной Испанской республике 1931—1939 гг., которая предоставила региональную автономию каталонцам и баскам, но после победы диктатуры генералиссимуса Франсиско Франко власть центра была восстановлена и возобновились репрессии.

В Северной Европе, где создались демократические государства, национальные конфликты завершились мирными процессами самоопределения: норвежцы в 1814 г. объединенные со шведами, в 1905 г. восстановили свое независимое государство; Исландия с 1380 г. объединенная с Данией, в 1918 г. стала независимой. Добившись независимости, северные страны (Дания, Исландия, Норвегия, Швеция, отчасти Финляндия) сохранили солидарность и склонность к сотрудничеству; однако панскандинавское движение, идеологом которого был великий норвежский писатель Генрик Ибсен (1828—1906 гг.), так и не достигло своей цели — создания Северной федерации.

Ирландский вопрос. Ирландские лидеры Чарльз Стюарт Парнелл (1846—1891 гг.) и Джон Эдвард Редмонд (1856—1918 гг.) в сотрудничестве с английскими либералами конституционными методами достигли успеха в борьбе за самоуправление Ирландии (Home-Rule), — Уильям Эварт Гладстон (1809—1898 гг.) провел в британском парламенте Первый закон о самоуправлении в 1886 г., а в 1914 г. вошел в силу уже Третий закон о самоуправлении. Однако в Ирландии возникло движение за отделение от Великобритании насильственным путем. Ирландское республиканское братство, членов которого называли „фениями“, по имени легендарных героев прошлого, в 1860-е годы получило широкую поддержку в Ирландии и среди ирландцев в Соединенных Штатах. К концу XIX в. последовательная либерализация системы управления и быстрое улучшение экономического положения крестьянства привели к резкому спаду политического национализма в Ирландии. Националисты вынуждены были перенести свои усилия в сферу культуры и образования с целью пробуждения национальных чувств. В 1884 г. была создана Гаэльская атлетическая ассоциация — для воскрешения ирландских видов спорта. Особое значение имели усилия по воскрешению гаэльского языка. В 1893 г. Дуглас Хайд (1860—1949 гг.), ирландский протестант английского

происхождения, стал первым президентом Гаэльской лиги, целью которой была „деанглизация ирландского народа“ и возрождение гаэльского языка и древних кельтских традиций. Поэты и ораторы стремились пробудить у ирландцев гордость их этническим прошлым. Разве не кельтская раса некогда населяла большую часть Европы, „укоренившись в Греции и предавая огню юный Рим“? В те годы делались даже попытки создать панкельтское движение, объединяющее ирландцев, валлийцев и бретонцев. Но Гаэльская лига оказалась не в состоянии вытеснить английский язык как основной язык ирландцев. Ренессанс ирландской литературы (1890—1920 гг.) подарил миру великие произведения на английском языке писателей-ирландцев: Уильяма Батлера Йетса (1865—1939 гг.), Джона Миллингтона Синга (1871—1909 гг.), Джеймса Джойса (1882—1941 гг.). Они и театр сделали Ирландию и Дублин всемирно известными. Однако гаэльское движение, подчеркивавшее особенность Ирландии, в XX в. добилось оживления ирландского национализма. В 1899 г. Артур Гриффит начал издание газеты „Юнайтед Айришмен“, а в 1905 г. участвовал в создании общества „Шинн Фейн“ („Мы сами“). Культурный и политический национализм дополнился национализмом экономическим. Поражения Великобритании в начальный период англо-бурской войны способствовали возрождению в 1899 г. движения фениев; поражения Великобритании в начальный период первой мировой войны дали импульс „пасхальному восстанию“ в Дублине в 1916 г. и провозглашению Ирландской республики. После победы Великобритании в первой мировой войне Артур Гриффит добился осуществления цели „Шинн Фейна“, подписав 6 декабря 1921 г. договор о создании свободного Ирландского государства.

Балканский национализм. Распад Османской империи и борьба претендентов за наследование не прекратилась после договоров 1878 г. Националистические волнения на Балканах продолжались. Возникшие здесь христианские государства пытались окончательно вытеснить Турцию из Европы и одновременно враждовали между собой за расширение границ до возможных пределов на основе исторических притязаний. Основным объектом разногласий была Македония. Македонская революционная организация в Болгарии (IMRO), националисти-

ческие устремления премьер-министра Сербии Николы Пашича (1845—1926 гг.) и премьер-министра Греции Элевтериоса Венизелоса (1864—1936 гг.) вызвали балканские войны 1912—1913 гг., ставшие непосредственной прелюдией первой мировой войны. Нанеся поражение Турции в первой балканской войне и Болгарии — во второй, Сербия стала готовиться к роли Пьемонта или Пруссии в деле объединения южных славян, значительная часть которых проживала в Австро-Венгрии, в Боснии и в Герцеговине. 28 июня 1914 г. сербские националисты убили в столице Боснии Сараево наследника австрийского престола. Ответные меры Австрии привели к столкновению с Сербией, которое переросло в конфликт между пангерманизмом и панславизмом. Немцы и мадьяры Габсбургской монархии были лояльными союзниками Германии с 1879 г. Сербию поддерживала Россия, которая приняла на себя руководство панславистским движением и роль защитника всех славян, в особенности против немецкого „драуг нах остен“ (пангерманской экспансии на восток).

Пангерманизм. Пангерманский союз основали в 1891 г. Эрнст Хаазе (1846—1908 гг.) и Генрих Класс (1868—1953 гг.) на идеях Арндта, Листа и Трейчке. Пангерманисты требовали расширения германского „жизненного пространства“ („лебенсраум“) и заморских колоний, для чего нужен был большой флот. Их безоглядный национальный эгоизм и экспансионизм оказали влияние на широкие круги сограждан, которые членами союза не были и не стремились к созданию крупной колониальной империи. Их больше заботила судьба „братьев по расе“ за пределами Германской империи, в особенности в Австро-Венгрии. Пангерманисты возродили лозунг Арндта о союзе швейцарцев, голландцев и скандинавов с Германией в „великом братстве нордической расы“. Австрийские пангерманисты, возглавлявшиеся Шенерером, восприняли эту программу и пропагандировали ее; их ожесточенные нападки на „расово неполноценных“ славян и евреев уготовили им роль наставника Гитлера. Первая мировая война, в которой Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария были союзниками, казалось, создала возможности для объединения „Mitteleuropa“ (Центральной Европы) под главенством Германии. После 1890 г., когда ушел

в отставку Бисмарк, влияние пангерманского мышления на общественное мнение и на правительственную политику Германии продолжало усиливаться, достигнув вершины в гитлеровской Германии.

Панславизм. Пангерманизм выступал за распространение власти Пруссии-Германии на все германоязычные народы, включение их, даже против их воли, в „Великую Германию“, людские и хозяйственные ресурсы и огромная территория которой обеспечат базу для достижения германского мирового господства. Панславизм аналогично пангерманизму был движением за распространение власти России посредством включения других славяноязычных народов, даже против их воли, в „Великую Россию“, население и экономические ресурсы которой создали бы достаточную базу для мирового господства России, или, как говорили в XIX в., для „Русской вселенской монархии“. Оба движения основывались на убеждении, что „расовая“ или лингвистическая принадлежность обеспечивает родство цивилизаций и идеологий и стремление к объединению. На самом деле между различными славяноязычными народами не было культурной близости. У польской цивилизации с русской было меньше общего, нежели с цивилизацией католической Европы. Вопреки панславистской теории, славянские народы нередко враждовали между собой более, чем с неславянскими народами. Чувства поляков к русским, украинцев к полякам, сербов к болгарам — убедительные примеры давней острой враждебности славянских народов. Однако панславизм и пангерманизм, основывавшиеся на ложных, надуманных идеях, все-таки оказали эмоциональное воздействие на многих немцев и многих русских и стали важнейшими факторами мировых войн XX века.

Панславизм родился среди славян Австрии. Первый Всеславянский конгресс под председательством Палацкого открылся в июне 1848 г. в Праге. Участники конгресса потребовали преобразования монархии Габсбургов в федерацию равноправных народов. После австро-венгерского компромисса 1867 г. стало очевидным поражение идей федерализма, и чехи, лидеры которых весьма критически относились к России, обратились за поддержкой именно к ней как к „старшему брату“. В 1867 г. второй Всеславянский съезд, собравшийся в Москве, провозгла-

сил верховенство России в славянском мире. Многие панслависты разделяли веру в мессианскую роль России, согласно которой русский народ избран Богом для спасения человечества. Русские были признаны подлинно христианским народом, столпом православия (истинной веры), мира и социальной справедливости, и призванным распространить это послание среди всех народов. Великий писатель Федор Достоевский (1821—1881 гг.) был сторонником славянофильства и панславизма. Русские коммунисты, свергнувшие в ноябре 1917 г. под руководством Ленина недолговечный демократический режим, установленный Февральской революцией 1917 г., возродили русское мессианство, провозгласив русских подлинной социалистической нацией, столпом марксизма (истинной веры), мира и социальной справедливости, призванным распространить это послание среди всех народов. В 1945 г. они осуществили самые дерзкие мечтания панславистов России XIX в., объединив всех славян под водительством России и расширив ее границы до Одера и Адриатического моря. Они нанесли поражение пангерманизму Адольфа Гитлера (1889—1945 гг.), который к 1941 г. осуществил самые дерзкие мечты его предшественников — пангерманистов.

Паназиатские движения. Первая паназиатская империя была создана монголами, которые в год смерти Чингис-хана (1227 г.) правили на территории от Южнокитайского моря до Днепра. Позднее население „Поднебесной империи” (Китай) представляло ее как воплощение всего мира и его цивилизации: „изнутри и извне все земли подчинены Китаю”. В конце XVI в. японец Хидэеси Токтоми бросил вызов притязаниям китайцев. В письме португальскому наместнику в Гоа (Индия) он заявил, что „после завершения нашей предопределенной небом миссии по завоеванию Китая мы будем готовы проложить дорогу к вашей стране. Наци военные корабли и воины справятся с этим, несмотря на дальность расстояния, победят всех, с кем им придется воевать”. В XX в. Япония вновь поставила перед собой задачу завоевания Китая и других стран Азии в убеждении, что миссия „божественной страны, управляемой Сыном неба” — создание империи „на семи морях и на пяти континентах”. Именно под лозунгами движения „Азия — для азиатов” Япония приступила к мобилизации населения и ресурсов огромных

территорий между восточным побережьем Африки и западным побережьем Тихого океана для создания базы мирового господства Японии. После поражения Японии в 1945 г. притязания на лидерство в паназиатском движении вновь перешли к Китаю. Это движение подобно двум другим — „пан”-движениям XX в. — пангерманизму и панславизму — не имело ничего общего с западной либеральной традицией и опиралось на тоталитаризм.

7. Расизм и тоталитаризм

Биологический национализм. Конец XIX в. ознаменовался ростом престижа биологических наук. В вульгаризированной форме они, вместе с дарвиновским принципом „борьбы за выживание” („борьбы за существование”), оказали мощное воздействие на националистические теории. Наряду с западной концепцией нации, которая была концепцией политической и основывалась на принципе свободы личности, возродился в современном облике древний „естественный” трибализм, который основывал национальную, политическую и духовную принадлежность человека на биологической наследственности, на „крови”, как коренном и решающем принципе формирования человеческой природы. Артур де Гобино (1816—1882 гг.) первым разработал систему биологического национализма в своих „Очерках о неравенстве человеческих рас” (1853—1855 гг.). Согласно Гобино, определяющим принципом рас является „кровь” и они не равны в отношении творческих способностей. Цивилизация не может быть передана от расе к расе и, следовательно, отсталые расы не могут достигнуть уровня передовой расы. „Избранной” является тевтонская, или германская раса. Поскольку способности расы зависят от „чистоты крови”, смешанные браки наносят ущерб цивилизации. Средство сохранения высшей расы и выполнения ее ведущей миссии Гобино видел в культе предков.

Антисемитизм во Франции. В континентальной Европе расовые теории воплотились в антисемитизме и критике индивидуализма и либерализма как причины упадка Европы вследствие успехов еврейской эмансипации и ассимиляции. Антисемиты рассматривали евреев как чужаков в странах Европы; Палестина

была провозглашена их подлинной родиной. Исключение евреев из политической и культурной жизни стран их проживания представлялось как продиктованное необходимостью восстановления расового и культурного единства этих стран. Во Франции в 1886 г. был опубликован памфлет Эдуарда Дрюмона „Еврейская Франция”. Антисемиты подозревали, что существует „еврейский заговор”, в причастности к которому обвиняли также то англосаксов, то немцев, то протестантов, стремящихся вместе с евреями разрушить традиционалистскую католическую Францию. Открытым выступлением антисемитов стало дело Дрейфуса. Капитан Альфред Дрейфус, единственный еврей-офицер французского генерального штаба, в 1894 г. был осужден за шпионаж в пользу Германии. Вокруг дела Дрейфуса развернулись ожесточенные схватки: противники Дрейфуса заявляли, что „священный эгонизм” в интересах нации и ее безопасности оправдывает отказ от „абстрактной” справедливости и объективного рассмотрения дела.

Шарль Морра (1868–1952 гг.) и Морис Баррес (1862–1923 гг.) первыми четко сформулировали принципы интегрального национализма, который отбрасывал как устаревшие принципы гуманного либерализма и призывал к быстрым решительным действиям ради национальных интересов. Морра утверждал принцип „Франция превыше всего” и настаивал на необходимости общенациональной активности (*action française*) без рассуждений и компромиссов. Баррес верил, что спасение Франции — в тесной национальной общности мыслей и чувств, вне всякого рода классовых различий и индивидуалистского нонконформизма. Все французы должны слиться в живом единстве через признание общих глубоких корней в поколениях предков, путем возврата к почве отцов. Люди утрачивают этику и духовность, если их существование становится „бескорневым”, как назвал это явление Баррес в своем романе „Вывранные с корнем”. Согласно идеям националистов, подчеркивающих роль „крови” и предков, национализм — это детерминизм; личность не свободна — она неизбежно обусловлена „почвой и умершими” по определению Барреса, „кровью и почвой” — по определению Гитлера.

Еврейский национализм. Под впечатлением от дела Дрейфуса и сопровождавших его антисемитских выступлений в Париже, австрийский журналист Теодор Герцль (1860–1904 гг.) написал работу „Еврейское государство” (1896 г.) о „земле без народа для народа без земли”. Герцль не знал, что в то же самое время в России после погромов 1881 г. участники объединения „Ховсей Цион” („Любящие Сион”) начали агитировать за возвращение евреев на землю предков в Палестину, и первые пионеры уже выехали туда, чтобы принести земле „возрождение” („геула”). Исторический Сион стал целью современного национализма. Со временем Герцль взял на себя руководство этим движением, была создана Всемирная сионистская организация и в 1897 г. в Базеле (Швейцария) состоялся первый конгресс сионистов, который выдвинул идею создания в Палестине еврейского национального очага. Конгресс поставил своей целью добиться права на заселение, согласно положениям международного права. Палестина была турецкой провинцией, населенной преимущественно арабами.

Через двадцать лет после первого сионистского конгресса во время первой мировой войны Артур Бальфур от имени британского правительства обещал „облегчить создание в Палестине национального очага для еврейского народа, ясно сознавая при этом, что эти действия не могут предопределить гражданского и религиозного статуса нееврейских общин Палестины, а также прав и политического статуса евреев в любой другой стране”. Число еврейских иммигрантов, переселившихся в Палестину до 1933 г., было незначительным. Новые поселенцы возродили иврит в качестве национального языка, еврейская культурная жизнь в Палестине процветала, хотя тогда ничто не предвещало превращения евреев в большинство населения страны. Ситуация изменилась во время второй мировой войны. Начиная с 1933 г. гитлеровский антисемитизм вынудил многих евреев искать убежища в Палестине. Гибель миллионов евреев, уничтоженных нацистами, крепила еврейский национализм. Главным препятствием для создания еврейского государства в Палестине было стремление арабского большинства сохранить национальный характер страны и осуществить свое право на самоопределение. Палестинских арабов поддержали со-

седние арабские страны и другие страны ислама. Вопрос был решен войной между жителями Палестины — евреями и арабскими государствами; победа евреев в мае 1948 г. привела к созданию Государства Израиль.

Антисемитизм в Германии. Расовая теория Гобино не имела существенного влияния во Франции. В деле Дрейфуса победили либеральные силы. Лишь немногие представители французской интеллигенции восприняли расистские идеи. Ведущие французские историки, такие как Мишле и Ренан, подчеркивали, что смешение рас — плодотворная основа французского национализма и неотъемлемый элемент либеральной политики. Луи Жоли писал в своей работе „О принципе наций” (1863 г.), что выпячивание идеи предков противоречит принципам 1789 г.: „Общность людей, не связанных с симпатиями и антипатиями, унаследованными из прошлого, выше общности, основанной на признании „органичности” ненависти и симпатий. Слияние рас, исторически происходившее во Франции, Великобритании и в Соединенных Штатах, — один из самых позитивных факторов истории. Как правило, ведущими державами мира становятся те, где различные национальные и расовые потоки, участвовавшие в их формировании, угасли и трудно различимы”. Граф Алексис де Токвиль (1805—1859 гг.) писал Гобино, что его очерк о неравенстве рас отрицает свободу личности. Токвиль пророчески указал, что идеи Гобино имеют шанс повлиять лишь на тех французов, которые прибудут из-за границы, в особенности из Германии. Ибо в Германии положение было иным. Здесь ведущие представители искусства и науки восприняли идеи антисемитизма и соединили их с идеей национального достоинства немецкого народа. Распространению антисемитизма способствовал Рихард Вагнер (1813—1883 гг.); ведущий историк этого периода Генрих фон Трейчке опубликовал в 1879 г. статью „Евреи — наше несчастье”, которая стала знаменем антисемитского движения в Германии — родине современного антисемитизма. Там рождались его теории и формулировались его лозунги. Германская литература была самой богатой антисемитскими писаниями. Уже в 1815 г. профессор истории Берлинского университета Фридрих Рюс требовал, чтобы евреи носили отличительные знаки на одежде, чтобы „врага” было

легко опознать. В 1881 г. философ Евгений Дюринг опубликовал книгу „Еврейский вопрос как расовая, этническая и культурная проблема. Ответ мировой истории”. Он предлагал „средства” решения этого вопроса, к которым впоследствии прибегнул Гитлер. В те же годы Адольф Штокер — влиятельный протестантский священник и придворный проповедник в Берлине, и Адольф Вагнер, профессор политической экономии Берлинского университета, направляли христианско-социалистическую рабочую партию против буржуазного либерализма и пролетарского марксизма, которые, по их мнению, были инспирированы евреями и развивались под их руководством. В 1899 г. зять Рихарда Вагнера Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855—1927 гг.) опубликовал книгу „Основы XIX столетия”, ставшую впоследствии основным „научным” источником работы Альфреда Розенберга „Миф XX века” (1930 г.), где разрабатывались расовые теории, воспринятые Гитлером. Антисемитизм, а также мистические антизападные и антилиберальные идеи подготовили немецкий народ к добровольному принятию тоталитарного расистского национализма Гитлера.

Тоталитарный национализм. Шарль Морра основывал свою теорию на безусловном авторитете и приоритете национального сообщества над личностью и отсюда выводил необходимость решительных действий тесно сплоченного, дисциплинированного и хорошо вооруженного авангарда, элиты, которая в нужный момент захватит власть. Морра утверждал, что западная либеральная демократия в той форме, в какой она сложилась в Великобритании, исторически обречена. Во Франции теория Морра получила широкое распространение лишь в короткий период правления маршала Анри Петена, который пришел к власти на волне германских побед. Однако там, где у западной демократии почти не было возможностей укорениться, эта теория нашла благодатную почву. Первая мировая война вызвала распад традиционных систем правления и общественного порядка на большей части территорий Восточной и Центральной Европы. Это открывало дорогу тоталитаризму. В ноябре 1917 г. Ленин повел тесно сплоченный, дисциплинированный и хорошо вооруженный авангард на свержение недолговечного демократического режима, установившегося в России после Февральской

революции в сотрудничестве с Западом. Ленин создал первое тоталитарное государство, направленное против западной демократии. Он был последователем интернационализма Карла Маркса (1818—1883 гг.), основанного на убеждении, что всемирное социалистическое государство будет опираться на союз пролетариата всех стран. Под руководством Ленина Российская империя была преобразована в Союз Советских Социалистических Республик, который, как он надеялся, распространится на весь земной шар. Первоначально народы Советского Союза получили территориальную автономию и право пользоваться родными языками и развивать их. Им было обещано полное равенство. Но в тоталитарном государстве свобода наций так же немыслима, как и личная свобода: и отдельные личности и объединения должны следовать единой линии, разработанной компартией на основании ее доктрин. В Советском Союзе и количественно и в культурном отношении господствовал великорусский элемент. В 1930-е—1940-е годы это господство постепенно становилось все более открытым, а в последние годы жизни Сталина (1879—1953 гг.), преемника Ленина, тенденция к подчеркиванию неповторимого и особого характера русского народа и его всемирной миссии особенно оживилась. В результате среди нерусских народов огромной советской империи стало расти сопротивление господству Москвы, в особенности среди украинцев на Западе и мусульманских народов Средней Азии.

Фашизм. Коммунизм — первое по времени появления и наиболее крайнее тоталитарное движение современности — по своей первоначальной идеологии не был связан с национализмом; но фашизм — другое массовое современное движение, оппозиционное цивилизации средних классов, с самого начала подогревался национализмом. Ранее всего фашизм пришел к власти в Италии в результате „похода на Рим” под руководством Бенито Муссолини (1883—1945 гг.) в октябре 1922 г. Фашисты не разделяли веры Мадзини в возможность гармонии различных национальных интересов. Они готовили себя к „неизбежной” борьбе, которая и определит будущее народов. Фашисты призывали свою нацию к динамичному развитию, увеличению населения, умножению национальных сил, к поголовной военной подготовке. Муссолини призывал итальянский народ

выполнить историческую миссию восстановления древней славы Рима и поощрял всеми возможными путями культ римского имперского прошлого. Фашизм абсолютизировал национализм. Нация стала высшим судьей во всех сферах жизни, служение ей — высшим долгом. Фашизм одобрял только те действия, мысли и чувства, которые способствовали усилению нации. Ведущим принципом фашистского воспитания было абсолютное служение нации; подобно коммунистическому воспитанию, фашизм тоже стремился определять все мысли и чувства людей.

Вначале фашизм считался явлением чисто итальянским, однако к 1936 г. принципы фашизма в той или иной степени восприняли правительства многих стран Центральной и Восточной Европы, они проникли даже в Латинскую Америку и Азию. Доктринальные концепции и внешняя символика различались в соответствии с особенностями национальных традиций каждой страны. В Румынии Корнелиу Целья-Кодряну основал в 1927 г. „легион архангела Михаила” для религиозного и расового „обновления” христианской Румынии; в дальнейшем этот „легион” превратился в террористическую организацию „Железная гвардия”; когда правительство ее запретило, он сменил название на партию „Все для Родины”. В Греции генерал Иоаннес Метаксас 4 августа 1936 г. установил фашистский режим, провозгласив „третью эллинскую цивилизацию”, символом которой стало спартанское приветствие. В том же году фалангисты в Испании возродили мечту о воссоединении великой испанской империи „золотого века”, которая оказала влияние на католическую цивилизацию во всем мире, правила на американских континентах и на южных морях. В Японии патриотические террористические организации молодых офицеров и студентов стремились вытравить влияние западного либерализма и дух „торгашества”, вернуть Японию к прежней вере и древним добродетелям. В Латинской Америке интеграллисты в Бразилии и перонисты в Аргентине раздували пламя местного национализма и империализма в противовес либеральной и рациональной цивилизации Соединенных Штатов.

На митинге в Милане 25 октября 1932 г. Муссолини заверил собравшихся в пришествии века мирового господства фашистской Италии. „Сегодня с совершенно спокойной совестью

я говорю вам, что XX век будет веком фашизма, веком мощи Италии, веком, в течение которого Италия в третий раз станет лидером человечества". Так Муссолини переименовал мечту Мадзини о „третьем Риме", Риме итальянского народа, который будет руководить миром, как это делал Рим цезарей в античные времена и Рим пап в средние века. Однако надеждам на итальянское господство в мире не удалось осуществиться.

Национал-социализм — германская форма фашизма — пришел к власти в январе 1933 г. под руководством Адольфа Гитлера; в Японии национальная разновидность имперского фашизма восторжествовала в 1936 г.; наконец, российский тоталитаризм с центром в Москве — „третьим Римом" славянофилов — все это были конкуренты на мировое господство, превосходившие Италию по силам. Во всех этих странах тоталитарный национализм, в корне отличный от ограниченного либерального национализма XIX в., разросся до масштабов всемирного империализма. Новый национализм действовал безжалостными методами, оправдывал страстную ненависть и хладнокровные убийства исторической необходимостью, величием национальной миссии, „заповеданной Богом", апелляциями к давнему прошлому.

8. Всемирный национализм

После первой мировой войны. Венский конгресс 1814 г. пытался сдержать революционные порывы национализма. Однако в течение последующего столетия эти силы все более разрастались и распространялись на все новые территории, пока мирные договоры 1919 г. не закрепили полное разрушение системы, созданной в Вене. В Центральной и Восточной Европе возникли новые национальные государства, а прежние, существовавшие в XIX в., расширились в соответствии с принципом национального самоопределения. Однако надежды поколения 1848 г. на то, что национальная независимость приведет к воцарению мира и свободы — надежды, которые питала общественность Соединенных Штатов и президент Вудро Вильсон, — не осуществились. В контексте интеллектуальной традиции и социальной структуры современного Запада национализм был движением за более

открытое общество, за личное счастье, гражданские свободы и нескованную мысль. После второй мировой войны позиции национализма на Западе очень ослабели. Стала быстро развиваться тенденция к международному сотрудничеству. Союз западноевропейских стран и Атлантическое сообщество выглядели более перспективными для укрепления мира и расширения свобод личности, чем национализм. В то же время на Востоке коммунизм делал упор на национальный суверенитет как никогда ранее, там национализм стал господствующей силой. С распространением национализма в Восточной Европе, а затем в Азии, в странах, традиции которых отличны от традиций Запада и нередко враждебны современным западным понятиям, национализм усиливал тенденции к закрытости обществ, в которых личность всегда считалась чем-то низшим по сравнению с мощью и авторитетом национального целого. Национализм с его претензиями решить все проблемы, с нетерпеливым стремлением к действию и склонностью к насилию оказался восприимчивым к влиянию коммунизма.

Освобождение в XIX в. многих прежде зависимых народов не усилило стремления к миру и свободе. Народы, требовавшие освобождения от гнета, нередко сами становились угнетателями. Возникли бесчисленные споры об исторических и естественных границах. Издавна установленные системы безопасности распались до того, как укрепились новые основы мира. Некоторые новые и увеличившие свою территорию национальные государства — Польша, Чехословакия, Италия, Югославия и Румыния — включили в свой состав недовольные этим меньшинства. Важным и потенциально весьма плодотворным нововведением после первой мировой войны стали международные соглашения, предусматривающие право контроля и вмешательства Лиги наций для обеспечения защиты национальных меньшинств. Однако национализм оказался препятствием для эффективного контроля. Даже основные национальности в некоторых новых государствах — чехи и словаки в Чехословакии, сербы и хорваты в Югославии — испытывали враждебные чувства друг к другу несмотря на расовую и лингвистическую близость. Взаимная враждебность и подозрительность между новыми государствами препятствовала политическому и хозяйственному сотрудни-

честву; это облегчило покорение Центральной и Восточной Европы сначала нацистской Германией, а затем коммунистической Россией. Национальная независимость и суверенитет стали общепризнанными и священными понятиями, но две мировые войны на протяжении XX в. свидетельствуют, что утверждение этих ценностей не привело к расширению свободы личности и не обеспечило международного мира.

Национализм на Ближнем Востоке. Первая мировая война завершила распад Османской империи. На ее развалинах греческие националисты мечтали восстановить Великую Грецию античной эпохи и времен Византийской империи. В 1919 г. греческая армия высадилась на западном побережье Малой Азии (Анатолии), на месте великих древнегреческих городов с многочисленным и процветающим греческим православным населением. Вторжение в турецкие земли вызвало прилив националистических чувств у турецкого крестьянства. В 1922 г. турки под руководством Мустафы Кемалю, названного позднее Кемалем Ататюрком (1881—1938 гг.), изгнали греков с захваченной территории. Победа обеспечила Турции национальную независимость и международную роль, давно утраченную страной. В рамках мирного договора был проведен обмен населением: мусульманские подданные Греции должны были выехать в Турцию, православные греки — турецкие подданные, значительно более многочисленные и зажиточные, были переселены в Грецию. Несмотря на горькую память, оставленную войной, переселением и вообще многовековой политической и религиозной враждой, турецкое и греческое правительства, решительно отбросив экспансионистские амбиции и намерения восстановить прежнее величие, сумели установить дружеские отношения и обеспечить тесное политическое и экономическое сотрудничество. Не менее важными были внутренние реформы Ататюрка. Он преобразовал средневековое теократическое государство и общество в современную секулярную республику, ввел европейский свод законов и таким образом заложил основы вестернизации и демократизации Турции. Его примеру, насколько это позволяла еще большая отсталость, последовали правители соседнего с Турцией Ирана (Персии), что оказало влияние и на

другие мусульманские народы, жизнь которых в 20-е годы стала быстро меняться.

В канун первой мировой войны существовали только три независимых мусульманских государства. Два из них — Турция и Персия — были весьма неустойчивыми, „большими”, третье — Афганистан — примитивным и изолированным. Сорок лет спустя Турция и Иран достигли уровня развития непредсказуемого в 1914 г.; на территории от Северной Африки до Южных морей возник целый сомн независимых мусульманских государств, чего никто не мог ожидать в начале века: Ливия, Египет, Саудовская Аравия, Иордания, Сирия, Ирак, Пакистан, Индонезия. Но порожденное этими событиями ощущение исламской общности не остановило развития исламского политического национализма. Попытки возродить халифат, который Мустафа Кемаль уничтожил в Турции в 1924 г., потерпели поражение как и панисламистское движение с центром в священном городе ислама Мекке под верховенством арабов, которые издревле были мусульманами и сторонниками халифата. Национализм и взаимная подозрительность исламских государств и их лидеров оказались слишком сильными, чтобы религиозная общность могла сыграть эффективную политическую роль. Тесные отношения установились лишь между арабскими государствами на основе общности языка, а также на основе вражды и ненависти к Израилю.

Национализм в Азии. Ближний Восток имел контакты с Западом в течение многих веков: общие основы ислама и христианства коренятся в иудаизме и эллинистической цивилизации. По-иному обстояло дело в Индии и на Дальнем Востоке. Контакты этого региона с Западом длились едва ли два столетия и были навязаны Азии Европой. Со времен войн Персидской империи против Греции, вторжений гуннов и монголов и до осады Вены армиями Османской империи, агрессивные азиатские государства постоянно атаковали Европу. Лишь в недавние времена возникло обратное движение. Прогресс Запада и летаргия, в которую впали цивилизации Востока в XVIII—XIX вв., привели к распространению европейского владычества по всему миру, а с ним и к распространению европейской политической и хозяйственной организации. Привнесенная с Запада вера в свободу

и рациональное мышление повлияла на верхние слои общества западных стран — сначала России, а затем и Азии, породив неудовлетворенность традиционным образом жизни. Западный стиль управления, целостная юридическая система, законодательно закрепленные свободы — все это было в какой-то мере воспринято западными элитами. В то же время превосходство Запада, нередко высокомерно демонстрируемое, вызывало глубокую неприязнь. Контакты с Западом способствовали возрождению азиатских цивилизаций. Но именно вследствие вестернизации и вызванного ею местного возрождения период успешной империалистической экспансии Запада был кратким и уже в наши дни пришел к концу.

Ведущей силой в этот исторический период была Великобритания. Ее либеральная цивилизация, которая в предшествующие века способствовала развитию конституционных свобод в Европе, вдохнула новую жизнь и в Азию, а затем в Африку. Великобритания провела в своих колониях конституционные реформы, расширила возможности образования и экономического развития. Она подала примеры полного освобождения зависимых народов, предоставив независимость Египту (в 1922 г., окончательно — в 1936 г.) и Ираку (1932 г.). Примеру Великобритании последовали в 1934 г. США — Конгресс дал обещание предоставить независимость Филиппинским островам после 12-летнего переходного периода. Процесс освобождения колоний завершился после второй мировой войны, когда обрели независимость Индия, Пакистан, Цейлон и Бирма. Великобритания подала пример политической организации, приспособившей себя и внутри страны и за ее пределами к меняющимся настроениям общества гибко и без доктринерства, черпающей свою жизнестойкость из идеи поощрения упорядоченной эволюции и всеобщего права на индивидуальную свободу.

Национализм в Индии. Британское владычество вызвало брожение прежде всего в Индии — в стране, где встречаются цивилизации ислама и Дальнего Востока. Именно здесь британская политика и образ жизни впервые побудили стремление к личной свободе и к самоуправлению, прежде не известные на Востоке. В 1835 г. британский историк Томас Маколей (1800—1859 гг.), будучи председателем комитета общественного обра-

зования в Индии, предложил положить в основу системы образования изучение естественных наук, а также историю развития идеи свободы со времен древней Греции до современной Великобритании. „Может случиться, что мышление общества в Индии так разовьется под нашим управлением, что перерастет нашу систему, и наши подданные, управляемые хорошим правительством, разовьют способности к еще лучшему правлению; обученные по европейскому образцу, они, возможно, возжадут европейских институтов. Я не знаю, наступит ли когда-нибудь такой день, но если он наступит, это будет день величайшего торжества Англии”, — писал тогда Маколей.

Индийский национальный конгресс. Ровно через пятьдесят лет, в конце 1885 г. в Бомбее по инициативе британского либерала, бывшего сотрудника индийской гражданской службы, открылся Индийский национальный конгресс. Целью этого конгресса было объединить в единое национальное целое все прежде нередко враждовавшие слои населения Индии; направлять процесс интеллектуального, морального, социального и политического возрождения, начавшегося в стране: укрепить связи между Великобританией и Индией устранением в их отношениях несправедливостей, которые ранят национальную гордость индусов. Этот конгресс выработал платформу, выражающую политические чаяния нации как целого, возвышающегося над всеми, ранее неопределимыми различиями рас, каст, религий, языков и провинций. Нигде расовая и кастовая сегрегация не соблюдалась столь строго и жестко, как в индуистской Индии — страны без общего языка и без общих политических связей. Эти связи были созданы британским правлением и системой образования. Хотя подавляющее большинство членов Конгресса составляли индуисты, первые тридцать лет его существования президентами Конгресса были избраны трое мусульман, четверо англичан и один парс, причем один англичанин был президентом дважды, а парс — трижды. Приглашение на Конгресс гласило: „Настоящий Конгресс сможет сформировать зародыш национального парламента; через несколько лет, если Конгресс будет работать успешно, он станет убедительным опровержением мнения о том, что Индия все еще не созрела для представительных институтов”. В речи на открытии Конгресса президент следующим

образом определил его цели: „...Искоренение путем дружественного вмешательства любых расовых, племенных и провинциальных предрассудков у всех, кто любит эту страну, развитие чувства национального единства, которое ведет свое происхождение из незабываемых времен правления нашего любимого лорда Рипона”. (Лорд Рипон, самый популярный из вице-королей Индии, отправлял эту должность в 1880—1884 гг.)

В XX веке руководство Конгрессом перешло от либеральных западников к радикальным индустам, первым вождем которых был Балгандхар Тилак (1856—1920 гг.). Они обратили свои взоры к индуистскому прошлому, апеллировали к религиозным чувствам масс и тем самым разбудили жесткий национализм с религиозным оттенком. Эту тенденцию продолжил, к тому же с акцентом на ненасильственные действия, преемник Тилака в руководстве Индийского национального конгресса Мохандас Карамчанд Ганди (1869—1948 гг.). Его образ жизни оказал огромное моральное влияние на крестьянские массы и привел их в действие. В 1935 г., когда Великобритания предоставила Индии статус доминиона, Конгресс действительно стал национальным парламентом, который представлял нацию и за которым шли массы индустов. Чуть больше десятилетия спустя Индия стала независимым государством. Но индийские мусульмане не присоединились к нему. Они потребовали независимости от власти индустов. В противовес Конгрессу они создали Индийскую мусульманскую лигу, которая под руководством Мухаммеда Али Джинна (1876—1948 гг.) взяла курс на создание отдельного мусульманского государства — Пакистана.

Национализм на Дальнем Востоке. В течение полувека с 1885 по 1935 г. политический облик Азии резко изменился. Главным событием, вызвавшим эти перемены, была победа Японии над Россией в 1905 г. Эта победа продемонстрировала возможность торжества азиатского государства, „отсталого” народа, сумевшего при помощи западной техники и организации одержать победу над великой европейской державой, которая до того времени завоевала в Азии больше территории, чем какая-либо другая „белая” империя, и покушалась установить свой контроль над Монголией, Маньчжурией, Северным Китаем

и всей Кореей. Эта победа пробудила надежды и сформировала новое самосознание народов Азии и Африки. Небольшая островная монархия Дальнего Востока после полувековых усилий смогла встать на равную ногу с государствами Запада и сравнялась с ними, а то и обогнала их в области колониальной и имперской политики. Почему бы другим „отсталым” народам не последовать этому примеру? На волне этой победы в Азии возникли и другие реформистские националистические движения. В Турции, Персии и Китае отжившие теократические автократии рухнули под напором революционных националистов. Огромное значение имела революция в Китае под руководством Сунь Ят-сена (1866—1923 гг.), который создал Гоминьдан (Национальная народная партия) и сформулировал „три принципа нации”, указавшие путь к формированию китайской нации. В январе 1919 г. Сунь Ят-сен призвал „китайских патриотов” вслед за ним принять следующую клятву: „Я истинно и искренне клянусь, что с этого момента и впредь я буду разрушать старое и строить новое, бороться за самоопределение народа; я приложу все силы для поддержки Китайской республики и осуществления демократии посредством „трех принципов”, ...во имя хорошего правления, во имя счастья народов и прочного мира между ними, во имя укрепления основ государства ради мира во всем мире”.

Однако в Китае, как и в других странах Востока, не было фундамента для развития либеральной демократии и современной государственности. Связующие силы старого порядка были разрушены прежде, чем возникли новые. Длительный период хаоса был неизбежен. По-иному сложилась ситуация в Японии и Турции, где старые правящие классы сохранили жизненную силу и взяли на себя руководство преобразованиями; в Индии и на Цейлоне многие десятилетия британского правления подготовили национальную гражданскую администрацию и сформировали многочисленный образованный класс, состоящий из способных, образованных и слоченных людей. Но даже в условиях политического хаоса установление более тесных контактов Китая с Западом, в атмосфере, традиционно насыщенной ученостью, породило блестящий ренессанс культуры. Студенты, обучавшиеся за границей, по возвращении на родину вызвали „приливную волну” творческого мышления, которая,

хотя она и продолжалась лишь десятилетие (1916—1926 гг.), преобразила молодые поколения Китая. До того времени вся система обучения в Китае строилась согласно традиционным классическим канонам и велась на языке, на котором не говорили уже два тысячелетия и который был непонятен народу. Ху Ши — ведущий ученый современного Китая поместил в журнале „Дзин Чишэнь“ („Новая молодежь“) статью, в которой призывал использовать разговорный язык в литературе. Этот живой „национальный язык“ стали популяризировать китайские студенты, участвовавшие в 1919 г. в патриотической борьбе с японцами. Живой язык быстро вошел в систему общего образования и в систему массового обучения. В Пекинском национальном университете Ху Ши и его соратники — молодые люди, учившиеся на Западе, начали ревизию культурного наследия Китая. „Несмотря на всеобщее подавленное настроение, — писал в 1927 г. Ричард Вильгельм, — в Китае в течение немногих лет была завершена колоссальная работа, которую едва ли заметил остальной мир — формирование единого языка и единой школы. Ныне китайская школа, благодаря единому методу обучения, стала средством сплочения китайского народа в единое культурное сообщество, какого никогда не существовало за тысячелетия китайской истории“.

Китайские националисты под руководством Чан Кай-ши (1886—1976 гг.), преемника Сунь Ят-сена на посту руководителя партии Гоминьдан, и корейские националисты под руководством Ли Сын Мапа (1875—1965 гг.) боролись за национальную независимость и единство против Японии, пытавшейся установить господство над всем Дальним Востоком. Японцы не добились успеха, но общественный и моральный хаос, вызванный их завоеваниями и поражениями, подготовил почву для авторитарного коммунистического национализма. Разве коммунизм не является союзником в борьбе против империализма и западного капитализма? Авторитарная структура коммунизма более отвечает национальным традициям, нежели свобода личности. Националисты Востока испытывали отвращение к капитализму и Западу, и поэтому предпочли перспективу движения по русскому пути — форсированной индустриализации и наращивания военной мощи, затмевающей возможности Запада.

Всемирный характер национализма. XX век стал первым периодом в истории человечества, когда повсюду утвердилась одна и та же политическая позиция — позиция национализма. Развитие идеи национализма повсюду вызывает активизацию народов и порождает стремление к переустройству общества. Идеи национализма различаются по странам в соответствии с особыми историческими условиями и особенностями социальной структуры. Однако всемирное распространение национализма не упрощает и не облегчает задачи создания сплоченного и сотрудничающего сообщества людей. К 1955 г., кроме Турции, ни одна страна Азии и Ближнего Востока не достигла такого уровня политической и экономической стабильности, который мог бы обеспечить гражданские свободы и проведение социальных реформ. Национальные и имперские амбиции азиатских народов чреваты столкновениями, как прежде в Европе. Китай ни в коей мере не был готов предоставить национальную независимость Тибету и мусульманским народам Синьцзяна; наоборот, он пытался восстановить свое влияние в Корее и во Вьетнаме. Китайцы, расселившиеся по всей Юго-Восточной Азии, и индийские поселенцы в Восточной Африке, поддерживаемые странами, из которых они произошли, могут вызвать осложнения, напоминающие имперские конфликты недавнего прошлого. В то же время новые нации Африки — Нигерия и Золотой Берег (Гана) идут по пути независимости под покровительством Великобритании; происходит культурная и социальная эмансипация индейского элемента во многих латиноамериканских странах — в этом процессе ведущую роль играет Мексика, где в январе 1917 г. была принята конституция и где происходит „ацтекский ренессанс“. Таким образом, национализм становится определяющей политической и культурной силой всех рас и цивилизаций на земле.

Став общемировым явлением, национализм, однако, проявляет себя как разъединяющая сила, если его не умеряет либерализм, терпимость, склонность к компромиссу, или гуманный универсализм неполитических религий. Упор на национальный суверенитет и культурные различия вряд ли поможет укреплению сотрудничества между народами, что вызывает особую тревогу, так как техническое и экономическое развитие ведет ко все большей зависимости народов мира друг от друга.